

УДК 94(510)«1940/1950»+325.2+271.2

А. А. Самойлова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

**Русская диаспора в Китае
во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.**

Статья посвящена положению русской диаспоры в Китае после Второй мировой войны и взаимодействию русских эмигрантов с местным населением. Отмечено, что характер отношений представителей диаспоры с китайцами менялся в соответствии с уровнем официальности контактов. В правовом отношении к моменту исхода диаспоры русские были лишены защиты и привилегий, но это редко отражалось на бытовом общении эмигрантов с местным населением.

Ключевые слова: русская эмиграция; этнокультурная идентичность; православная церковь; Китай; Китайская Восточная железная дорога.

A. A. SamoiloVA

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

**Russian Diaspora in China
in the second half of the 1940s — early 1950s**

The article investigates the status of Russian Diaspora in China after the Second World War and relationships between Russian emigrates and local population. It is shown that main characteristics of their relationships changed because of formality of Russian Diaspora and Chinese population's contacts. To the moment of exodus, Russians in China had been deprived of legal protection and privileges but this process rarely affect Russian-Chinese personal relationships.

Keywords: Russian emigration; ethno-cultural identity; Orthodox Church; China; Chinese Eastern railway.

Одной из особенностей восточной ветви русской эмиграции была ее этнокультурная обособленность, выразившаяся в желании

сохранить в Китае свой собственный русский мир. Стремление к сохранению этнокультурной идентичности было особенно характерно для первого поколения эмигрантов, которому в высшей степени успешно удалось избежать ассимиляции. Некоторые исследователи даже считают, что русское зарубежье обладало многими характеристиками современных наций: праздниками, международной прессой, благотворительными, образовательными и бюрократическими институтами, культурой и т. д. [1]. У русских в Китае были свои школы, высшие учебные заведения, театры, церковь. Тем не менее, полностью закрыться от контактов с китайской стороной было невозможно. Русские были вовлечены в общение с китайцами на бытовом уровне, а также зависели от политической обстановки в стране.

В период после окончания Второй мировой войны и до момента исхода основной массы русской диаспоры из Китая в 1940–1950-е гг. XX в. взаимодействие между русскими и китайцами осуществлялось на двух уровнях: на уровне властных структур и на бытовом.

Говоря о правовом положении русских в Китае, нужно отметить, что оно менялось в зависимости от колебаний в советско-китайском политическом сотрудничестве. В первые послевоенные годы роль Советского Союза в помощи в освобождении Китая от японской оккупации обеспечила высокий престиж советской стороне, несмотря на наличие мелких инцидентов (например, ограбления некоторых китайцев советскими военнослужащими и т. п.). В воспоминаниях репатриантов можно найти информацию, что в 40-е гг. XX в. одно только слово «советский» решало многие проблемы и довольно сильно упрощало жизнь.

На этапе становления коммунистической власти в Китае Советский Союз активно направлял своих специалистов для помощи союзному государству. «Они фактически руководили всеми делами на предприятии, будучи заместителями китайских начальников. Последние только ставили свои подписи и именные печати», — рассказывал М. О. Семёнов о доверии к компетентности советских специалистов в Харбине, крупном центре проживания русской

диаспоры, в конце 1940-х гг. [2, с. 21]. Коренной перелом в такой схеме сотрудничества произошел в 1950 г. вместе с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. 31 декабря 1952 г., за 30 лет до истечения договоренностей о совместном пользовании, Китайско-Чанчуньская железная дорога (КЧЖД — бывшая КВЖД), символ русского присутствия в Китае, была безвозмездно передана в пользование китайской стороне. Сразу последовали массовые увольнения русских служащих не только с самой железной дороги, но и со всех вспомогательных предприятий, обслуживающих КЧЖД. Это можно объяснить ужесточением политики руководства КНР в вопросе влияния Советского Союза на развитие страны. Совместное владение КВЖД долгое время рассматривалось как проявление империализма советской стороны. Стремясь к полной самостоятельности во внешней политике и абсолютной независимости во внутреннем управлении, а также желая вырастить свои собственные кадры, китайские власти сокращали очаги иностранного влияния. Помимо этого, эмигранты, многие из которых к тому времени уже приняли гражданство Советского Союза, не воспринимались настоящими советскими гражданами, что подчеркивалось и со стороны местной советской администрации, которая продолжала рассматривать их как «белобандитов», что еще больше усложняло положение русских эмигрантов на КЧЖД и в целом всей русской диаспоры.

На железной дороге к началу 50-х гг. XX в. осталось лишь 10 % от числа прежнего русского персонала — крупнейшие специалисты, знания и опыт которых еще были необходимы для функционирования столь масштабного объекта. Однако даже по отношению к этим ценным кадрам, к тем, кого еще недавно называли почтенными старшими, китайское руководство стало относиться пренебрежительно. Со служащими часто пытались расплатиться облигациями, которые в итоге нельзя было ни на что обменять. «Общество советских граждан» перестало справляться с жалобами от безработных и обманутых [3, с. 38].

Следующий шаг по вытеснению русского влияния был принят в 1954 г., когда в КНР начали создавать автокефальную

Китайскую православную церковь. Основной упор делался на то, чтобы сделать церковь полностью китайской: священнослужители должны были являться китайцами. 23 ноября 1956 г. Китайская церковь получила от Патриарха Московского Алексия автономию, был подписан «Проект положения о Китайской автономной православной церкви» [4, с. 18]. Все русские священнослужители были отозваны на Родину или отправились в дальнейшую эмиграцию. Многие русские храмы были разрушены позднее, во время Великой пролетарской культурной революции, как объекты, «портящие архитектурный облик китайских городов» [5].

Общую характеристику положения русских в послевоенном Китае емко дал в одном из интервью А. Титов, много лет проживший в Шанхае и покинувший город в 1946 г.:

Уезжая из Китая в 1946 году, мы готовы были поехать в любую страну, где нам предоставлялось гражданство. Мы были никто! Поимите состояние человека, который не имеет защиты и абсолютно бесправен — с таким багажом жить было очень тяжело. Поэтому беженцы так стремились выехать, если не в Советский Союз, то в третьи страны, и получить там гражданство [6].

Почувствовав скорое избавление от русских, китайцы совершенно перестали скрывать свои намерения и недовольства. Т. Ерохина, уехавшая из Китая в 1954 г., вспоминала:

Китайская администрация знала, что мы уедем, и время от времени китайские полицейские приходили к нам и вежливо осведомлялись, когда мы уедем. Им, вероятно, нужна была квартира или, как говорили по-советски, жилплощадь [7, с. 74].

Пользуясь беспомощностью уезжающих, административные работники активно практиковали «отчуждение» собственности. В мемуарах и воспоминаниях можно найти много примеров, приведем хотя бы один из них. Русский харбинец Н. Г. Шарохин вспоминал, как «чудесный капитальный дом с садом» его знакомой был

выкуплен у собственников за «жалкие гроши», которых хватило бы на покупку двух искусственных шуб и небольшого количества носильной одежды. По его мнению,

...это было насильственное отчуждение собственности, практически узаконенное ограбление, которому подвергались все отъезжающие русские, владельцы домов и собственности [3, с. 43].

Бывали случаи, когда китайцы радостно провожали русских, даже устраивали им что-то вроде прощального ужина или банкета. Такое поведение легко объясняется освобождением рабочих мест, жилплощади, а иногда и переходом в собственность личного ценного имущества уезжающих.

Таким образом, к моменту «исхода» русские в основном оказались на положении бесправных чужаков. Отношение представителей власти к бывшим «старшим братьям» стало враждебным и настроенным.

Однако основу личностных отношений все еще составляли эмоциональная привязанность и воспитание конкретных представителей обеих сторон. После 1945 г. мир в Китае не установился, вновь вспыхнула гражданская война, и положение в стране оставалось далеко не спокойным. Участились кражи со стороны китайского населения, таких историй в воспоминаниях огромное множество, например, харбинка И. Зарина в одном из интервью поведала случай, произошедший с ее родственниками. У них много лет работал китаец, которого они вызывали в случае, когда нужна была помощь по дому. Отношения всегда были дружескими, но однажды он пришел без приглашения, начал вести многочасовые беседы, находил все новые и новые темы для разговора. Оказалось, что в этот момент приятель гостя зашел в дом Зариных, собрал дефицитное в то время постельное белье и старинные серебряные часы хозяина дома [8, с. 34]. У граждан КНР начало высвобождаться характерное для китайской картины мира чувство собственного превосходства над другими, которое распространялось и на эмигрантов, которые нашли убежище в Китае, и на иностранцев в целом.

Однако нужно заметить, что описанный случай и ему подобные не стали нормой, есть данные и о совершенно противоположном формате общения русских с китайцами. Например, бывшая эмигрантка Э. А. Одинцова, рассказывая о своем отъезде из Шанхая, упоминает о том, как трудно было расставаться с китайскими помощниками, которые стали в некотором роде полноправными членами ее семьи. «Мы стоим, плачем, сердце буквально разрывается, ведь столько лет они служили у нас, делили с нами все радости и печали», — пишет она в своих воспоминаниях, в то же время отмечая, что в Китае русским оставаться было нельзя, «там для иностранцев места не было, все “китаизировалось”, и к европейцам отношение было далеко не благожелательное» [9, с. 1].

Отрывок вполне ясно дает понять, что сохранившаяся теплота взаимоотношений русских и китайцев скорее продукт эмоциональной открытости людей, мало связанный с национальной принадлежностью или культурными различиями. Подтверждение этому — и рассказ Е. В. Белоус. После прихода советских войск в Маньчжурию ей, как и многим жителям Харбина, пришлось столкнуться с произволом солдат и офицеров. В то время Белоус работала в китайском обувном магазине, и именно китайские сотрудники помогали ей прятаться от советских солдат и офицеров, вечером провожали ее домой. Когда она была вынуждена на две недели прекратить работу из-за постоянного навязчивого внимания со стороны советского генерала, хозяева магазина приносили ей домой конверты с зарплатой [10].

Отношение русских к китайцам и китайцев к русским на бытовом уровне не так сильно зависело от политики, скорее оно было связано с желанием каждого конкретного человека идти на контакт. Это хорошо видно и на примере мемуаров В. А. Серебрякова. В Китай он со своей семьей приехал еще ребенком и прожил там 27 лет. Сначала жил в Харбине, затем в середине 1930-х гг. уехал в Шанхай. Работал на небольшом заводе «Эларко», в его подчинении находились в основном китайские рабочие. Несмотря на то, что Серебряков был видным деятелем «Союза возвращенцев» (и созданных позднее просоветских обществ) и, казалось бы,

должен был изменить свое отношение к китайцам после обострения советско-китайских отношений, в своих мемуарах он написал, что его всегда хорошие отношения с рабочими заключались в том, что они друг к другу относились «по-человечески, без злости и отчуждения» [11. Ф. р.—4. Оп. 1. Д. 2. Л. 45]. Эмигранты вступали в браки с местным населением, и хотя их потомки родились и выросли в Китае под длительным влиянием местной культуры, на правах полноценных граждан страны, в их идентичности было достигнуто русско-китайское культурное и национальное единство [12, с. 134].

Подводя итог всему вышесказанному, нужно еще раз заострить внимание на том, что отношения русской диаспоры с местным населением и ее положение в Китае отличались в зависимости от уровня взаимодействий. Внутриполитическая обстановка в Китае после Второй мировой войны и националистическая политика китайского руководства в 1950-е гг. привели к тому, что бывшие эмигранты нередко оказывались в положении беззащитных и бесправных чужаков. Однако личностный уровень взаимоотношений лишь изредка подвергался влиянию политики и продолжал выстраиваться на основе взаимопонимания и взаимоуважения между людьми.

---

1. *Манчестер Л.* Этническая идентичность как вынужденный выбор в условиях диаспоры: парадокс сохранения и проблематизации «русскости» в мировом масштабе среди эмигрантов первой волны в период коллективизации (пер. с английского А. Логутова) // НЛО [сайт]. 2014. №. 3 (127). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5168> (дата обращения: 28.09.2017).

2. *Семенов М. О.* История жизни потомственного забайкальского казака и его семьи в маньчжурской эмиграции с 1919 по 1956 год, рассказанная им самим // Русская Атлантида. 2015. № 60. С. 20–31.

3. *Шарохин Н. Г.* Мой Харбин // Русская Атлантида. 2016. № 63. С. 37–44.

4. *Лукин А.* Статус Китайской автономной православной церкви и перспективы православия в Китае // Аналитические доклады : Институт международных исследований МГИМО — Университета МИД России. 2013. № 4 (39). С. 3–49.

5. *Кабанов А.* Как погибла 1,5 млн русская диаспора в Харбине. Последних в 1954 году выслали в Казахстан // Известия [сайт]. 2002. 02 сент. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1030952160> (дата обращения: 26.02.2018).

6. *Черникова Л.* Русская диаспора в Китае: история и современность: стенограмма круглого стола, состоявшегося 6 октября 2002 года в г. Шанхае, КНР // Русский клуб в Шанхае [сайт]. URL: <http://www.russianshanghai.com/blog/post407> (дата обращения: 28.09.2017).

7. *Ерохина Т.* Росла русской в Китае // Русская Атлантида. 2015. № 51. С. 65–75.

8. *Зарина И.* Ушедшие времена // Русская Атлантида. 2006. № 18. С. 34–36.

9. *Одинцова Э.* Поезд в Неизвестность // Русские в Китае. 1997. № 7. С. 1.

10. Интервью с Е. В. Белоус. Екатеринбург. 2017. 09 дек. // Личный архив автора.

11. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2.

12. *Мяо Хуэй.* Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 128–135.

УДК 94(315)+316.323

Д. А. Суровень

*Уральский государственный юридический университет,
Екатеринбург, Россия*

Процесс генезиса государства в Древнем Китае

В статье в общих чертах анализируются различные этапы генезиса государства в Древнем Китае. Указывается, что первоначально общество Южного Китая опережало в своем развитии Северный Китай. Описан процесс политогенеза в потестарном обществе, приведший к формированию в регионе Среднего Хуанхэ сложного вождества Ся, на основе которого в результате смены династии возникнет раннее государство Шан, где правила династия Инь. В середине II тыс. до н. э. процесс генезиса государства